

Денисова Наталья Леонидовна

Natalya Denisova

искусствовед, заместитель руководителя
Просветительского центра ФГБУК «Всероссийский музей
декоративно-прикладного и народного искусства»
historian of art, deputy director of All-Russian Decorative
Art Museum's educational center
e-mail: natalya-denisov@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭСТЕТИКИ В МУЗЕЙНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ «ДОМ-ХРАМ-КОРАБЛЬ»

Key aspects of Old Russian aesthetics in museum educational project “House-Temple-Ship”

Ключевые слова: культурное наследие, культурный ландшафт, Русский Север, древнерусская эстетика, эстетическое воспитание, подростки, новые образовательные стратегии.

Key words: cultural heritage, cultural landscape, Russian North, Old Russian aesthetics, teenagers, aesthetic education, new educational strategies.

Аннотация. Статья содержит краткий анализ основных идей древнерусской эстетики как теоретического обоснования модели эстетического воспитания подростков средствами культурного ландшафта Русского Севера. Рассмотрены духовно-художественные ценности, лежащие в основе культуры Русского Севера IX-XVII вв., являющейся историческим материалом программы, а также эстетические воззрения русских религиозных философов (П.А. Флоренский, Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев) и культурологов XX века (А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман), с последующей интерпретацией данных эстетических аспектов в авторской музейной образовательной программе «Дом-Храм-Корабль». В статье выделены некоторые аспекты древнерусской эстетики и их проекция на ценностные установки прошедшей апробацию программы эстетического воспитания.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main ideas of Old Russian aesthetics and characteristics of Russian North' cultural landscape of IX-XVII centuries as theoretical basis of the model of aesthetic education by Russian North' cultural landscape for teenagers. In the center of researcher's interest are ontological, sacred, moral and artistic values of Old Russian aesthetics, aesthetical ideas of Russian philosophers P.A. Florensky, E.N. Trubezkoy, V.S. Solovyev, Russian culturologists A.F. Losev, D.S. Lihachyev, Y. M. Lotman) and possible projection of those conceptions onto new museum educational program for teenagers “House-Temple-Ship”. The article highlights some aspects of ancient Russian aesthetics and their projection on the value settings of the approved program of aesthetic education.

Сохранение национального культурного наследия, то есть исторической памяти, остаётся одним из насущных требований времени. И эту задачу не представляется возможным решить без всесторонней просветительской работы, без *присвоения* молодыми людьми мысли о ценности знаний о природе и подлинниках культуры в формировании их личности. В качестве смысловой установки

программы «Дом-Храм-Корабль», посвященной эстетическому воспитанию подростков посредством культурного ландшафта Русского Севера, автору хотелось бы привести следующие слова Дмитрия Сергеевича Лихачева из его статьи «Экология культуры»: «Сохранение культурной среды - задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [9]. В связи с плачевной ситуацией в сфере охраны памятников и исторических мест, а также активного запроса от общества на качественные программы в области эстетического воспитания и культурного туризма актуальность музейного проекта «Дом-Храм-Корабль» состоит в раскрытии огромного образовательного потенциала, который содержит такое многогранное явление, как *культурный ландшафт и культура дерева* (комплекс знаний о дереве как предмете культуры в широком смысле). Их ресурс позволяет педагогу решать целый спектр задач патриотического, духовно-нравственного и эстетического воспитания, которые, по сути, служат одной цели – развитию свободной гармоничной личности учащегося.

При создании музейного просветительского проекта, посвященного культурному ландшафту Русского Севера IX-XVII веков, естественно прибегнуть к канонам древнерусской эстетики, ведь Русский Север был заселен в допетровское время и в силу своей труднодоступности и консерватизма в отношении принятия любых новшеств (вспомним старообрядцев, во многом оформивших поздний облик северорусского ландшафта), стал для нас настоящим заповедником древнерусской культуры, как называют его многие исследователи [3, 12, 13, 14, 15]. Кроме источников древнерусской словесности и памятников архитектуры, иконописи, декоративно-прикладного искусства, которые содержат ключевые для образовательной программы образы и смыслы, автор прибегает к собственно эстетическим трудам, интерпретирующим, в данном случае, имплицитную эстетику эпохи Древней Руси [4, 5, 10, 16, 17, 18]. П.А. Флоренский, Е.Н. Трубецкой, И.Л. Ильин, А.Ф. Лосев затронули глубинные, «онтологические» идеи и законы, лежащие в основе древнерусского искусства. При разработке программы эстетического воспитания для подростков «Дом-Храм-Корабль», которая прошла успешную апробацию на базе Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства и в ряде школ, автор считает важным не только реконструировать художественный опыт наших предков, заселявших Русский Север, но и выявить духовную сущность данного опыта для людей XXI века, способную обогатить современную творческую, в том числе педагогическую деятельность.

Образ «Дом-Храм-Корабль», ставший стержнем музейной образовательной программы, отражает символическую природу и метапредметность понятий «культурное наследие», «культурный ландшафт», «культура дерева».

Дерево, Дом, Храм, Корабль – базовые, общечеловеческие, зримые формы, образующие «скелет» метафизической, познавательной, социальной, эстетической,

экономической деятельности человека на протяжении веков. Нам представляется важным вместе с подростками раскрыть подлинное значение данных образов, их взаимосвязь как образец цельности человеческого сознания, варианты бытования образов в мире общеевропейской культуры, русском традиционном искусстве и фольклоре, в том числе, что особенно актуально для подростков, - в современной им социальной и художественной реальности.

Также, образы Дерева, Дома, Храма, Корабля получили свое конкретное воплощение в материале, демонстрируя высокий уровень «культуры дерева», плотницкого, столярного мастерства в нашей стране, – в архитектуре, организации пространства, судостроении, прикладном искусстве. Результатом такой мироустроительной деятельности наших предшественников стали уникальные исторические ландшафты, сама освоенная (в том числе эстетически) территория России.

Прежде чем провести связь между этико-эстетическими ценностями мастеров Северной Руси и их возможной «адаптацией» в рамках музейной программы, обратимся к истокам древнерусской эстетики. Как известно, христианская составляющая древнерусской эстетики задаёт вполне определённое понимание творческой деятельности человека, назначения искусства. Ранними отцами Церкви (апологетами II—III вв.), опиравшимися во многом на опыт античности, более поздними средневековыми мыслителями была задана та эстетическая «тональность», которой стала придерживаться и сравнительно молодая русская церковь в ее культуртрегерской деятельности [5]. Не стремясь упростить опыт людей прошлого, который, безусловно, представляет собой полихромную картину (синтез языческого и христианского миропонимания), автор статьи, тем не менее, исходит из ярко выраженной ориентированности культуры Русского Севера на христианскую эстетику. Ведь даже роспись прялок в художественных центрах на Северной Двине восходит к книжной миниатюре, иконописи, монументальной росписи, о чем неоднократно писали такие исследователи, как С.К. Жегалова, Т.М. Разина, О.Г. Севан [8, 13, 14].

Какие же аспекты средневековой эстетики служили «несущими конструкциями» в художественной культуре Русского Севера вплоть до XVIII века и какую их интерпретацию в рамках музейного образовательного проекта можно предложить? Не претендуя на исчерпывающий анализ, попробуем, тем не менее, выделить некоторые из них:

1. *«Неутилитарность отношений с действительностью»* (по В.В. Бычкову) как одно из главных качеств, присущих эстетической практике допетровского времени. Человек, решая свои насущные, бытовые проблемы выживания в природе, поднимал свою «мироустроительную» деятельность до уровня космического (по др.-греч. kosmos означает, помимо мироздания, украшение, красоту, упорядоченность). В обрядах, сопутствовавших строительству дома, храма, поселения, четко просматривается логика сотворения космоса из хаоса, микрокосмоса как реплики вселенной, созданной Универсумом, для верующих - Богом (в язычестве, в том числе славянском, – богами) [2]. Эта неутилитарность взаимоотношений со вселенной, творческая взаимосвязь человека и природы,

художника и Творца, отражена и в планировке поселений, и в устном фольклоре, и в письменных источниках Древней Руси. Уже наш современник, митрополит Антоний Сурожский, в своей книге «Красота и уродство» пишет о реальности, которую видит поэт как «о видении, которое возможно благодаря тому, что он (поэт. – Н.Д.) свободен от себя самого... его участие не сводит окружающий мир к его собственным размерам, но помогает ему вырасти в меру того, что он видит. Эта интуиция, в которой есть *бескорыстие* (курсив мой. – Н.Д.), в которой есть свобода... является сердцевинной поэтического и любого творческого процесса» [1]. Актуализируя для подростков-участников проекта «Дом-Храм-Корабль» такое восприятие роли человека как бескорыстного творца, автор поддерживает современные прогрессивные идеи в обществе (разумного потребления, экологической культуры, «шэринга»), противостоящие эгоизму, прагматизму массовой культуры потребления, в том числе, в сфере искусства.

2. *Организованность культурного ландшафта, отдельных памятников архитектуры по принципу музыкальной гармонии.*

Если мы всмотримся в тот синтез искусств, который являют собой крестьянские «хоромы» и храмы на Русском Севере, украшенные резьбой и росписью, наполненные молитвой, музыкой, танцами согласно церковному календарному году (с языческими отголосками, характерными для «народного православия»), взглянем в архитектуру народного костюма и сценарии различных обрядов и праздников, то мы увидим сложносочиненную гармонию, которая создавалась веками и которую мы сейчас можем только пытаться реконструировать. «В письменных источниках XI — первой половины XIV века хорошо отразился... процесс становления христианизированных эстетических представлений... На смену сакральному восприятию природы восточными славянами приходит понимание ее как прекрасного произведения высшего Художника. В ней усматривается теперь прекрасный порядок — «строй», радующий душу человека. В качестве основных характеристик природной красоты выступают величина, высота, округлость, «искусная сделанность», особая выделенность в пространстве» [5]. Величественность, высота, «выделенность в пространстве» - ключевые свойства именно деревянной храмовой архитектуры, являвшейся маяком, доминантой окружающего ландшафта.

О числовой гармонии храмового искусства исчерпывающе сказано в трудах о. Павла Флоренского.

Говоря об истоках культуры Севера, мы, безусловно, понимаем, что изначальные гармонии, заложенные в византийском искусстве, были встроены в «музыкальную ткань», числовые закономерности и ритмы, присущие богатой культуре восточных славян. Отсюда, например, многоглавие деревянных церквей, которого не было в Византии, специфические черты конструкции и декорирования деревянных храмов и жилых домов и многое другое, составляющее уникальный лик нашей культуры. Именно в силу укоренённости в нашей почве традиции строительства из дерева, в отличие от каменного, деревянное зодчество по праву считается частью ДНК русской культуры, символом её идентичности. Неслучайно

именно по мотивам северного ансамбля К.А. Коровиным был спроектирован Кустарный павильон для Всемирной выставки в Париже 1900 года.

В рамках программы «Дом-Храм-Корабль» принцип музыкальной гармонии, пропорциональности, ритма участники познают на занятиях, посвященных организации пространства – дома, храма, корабля, ландшафта, а также музыкальной культуре Русского Севера: певческому искусству, осваивая древние деревянные музыкальные инструменты – гусли, рожки, дудки.

3. Соборность как эстетическая категория, присущая быту северных поселений в светском и в религиозном отношении.

В трудах религиозных мыслителей слово «соборность» имеет значение единства сознания родственных по духу людей, высший уровень человеческих отношений, который реализуется в самых разных сферах жизни. В храме соборность проявляется в общей молитве, богослужении, в бытовой сфере – в совместном труде и праздновании. «Соборно» строились храмы, дома, поселения. Мы знаем разнообразные «артельные» (в том числе, семейные) формы труда в прошлом, когда люди с детства учились работать в команде, руководствуясь теми правилами общежития, которые усваивались, по крайней мере, в крестьянском мире, с раннего детства. По словарю В.И. Даля, слово «дом» в русском языке означает не только «строение для житья», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» [7]. Под единым кровом жили вместе деды, отцы, сыновья, внуки общей семьей и хозяйством. И в семье, и в приходской общине, и в команде поморского карбаса, и в плотницкой артели главное – сами люди, со-трудники, со-здатели, со-беседники, их сплоченность. В современном, цифровом, мире, прививание детям навыка слышать и высказываться «оффлайн», «в лад» с людьми, разделяющими с тобой труд или отдых, – предмет особой заботы со стороны педагога. На занятиях в столярной студии Всероссийского музея декоративного искусства, во время похода в Плотницкую школу проекта «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Русского Севера», играя на гусях в импровизированном ансамбле, подростки-участники программы «Дом-Храм-Корабль» учатся, часто впервые об этом задумываясь, работать сообща над одним делом, учитывать сильные и слабые стороны друг друга, развивают свою коммуникативную культуру.

4. Канон как форма отбора в накоплении и развитии эстетического опыта.

Как мы можем заметить, все выделенные здесь аспекты средневековой эстетики, которые, конечно, нуждаются в деликатном осмыслении применительно к современной педагогике, связаны между собой, обуславливают друг друга. Так, в соборности заложена музыкальная в своей основе гармония, а канон выступает как форма искусства, выработанная соборным мышлением на протяжении многих веков духовно-художественного роста. Священник Павел Флоренский в своем знаменитом труде «Иконостас» писал о том, что канон никогда не ограничивал подлинно талантливого мастера, являясь лишь некой, обусловленной догматами, рамкой, внутри которой каждый иконописец, каждый художник, мог создавать свой стиль, свое прочтение, оставаясь при этом верным духу христианского вероучения [17]. Так творили Феофан Грек, преп. Андрей Рублев, Дионисий.

Зодчие, строившие деревянные ансамбли, свободно комбинируя устоявшиеся формы, отталкиваясь от единого модуля – венца или клетки.

Свободу творчества в рамках канона являют нам и памятники материального и нематериального наследия Севера. Например, свои каноны существовали в деревянном зодчестве (иногда сменяя друг друга, как это произошло в XVII века, когда по указу патриарха Никона было запрещено возводить шатровые храмы и возник кубоватый тип храма, имитирующий купол в дереве), и в росписи интерьеров деревянных церквей и часовен на Русском Севере (вспомним знаменитые кенозерские «небеса»), и в духовном пении, и других областях искусства, составляющих своеобразие Севера. Если распространить понятие «канон» на бытовую, повседневную жизнь наших предков, то она вся была пронизана канонами, создавая надежную опору для каждого человека, приходившего в этот мир – от колыбели до «домовины». Автор имеет в виду и семейные традиции передачи опыта от поколения к поколению – через игру, труд (народная педагогика), и систему традиционных праздников, задававших ритм году. Важно, чтобы в процессе путешествия по музейному маршруту каждый участник приблизился к основам языка родной культуры, – с тем, чтобы потом предложить свою, авторскую, интерпретацию увиденного.

5. Символико-знаковая природа средневекового искусства.

Назначение искусства средневековые мыслители видели в возведении сознания человека к миру горнему, к высшей реальности. Именно поэтому художественный язык раннего христианства – вплоть до эпохи Высокого Возрождения – повышено абстрагирован, условен, символичен. Кстати, именно этот потенциал средневекового искусства как некоего кладезя знаков и символов был задействован уже в XX веке, в эпоху расцвета герменевтики, семантики, абстрактного искусства, стремившегося (согласно своей логике) вырваться за пределы мира видимого. Как известно, ещё в XIX веке идеологи символического искусства, вслед за Аврелием Августином, Псевдо-Дионисием и Сведенборгом, проповедовали идею о том, что «весь мир пронизан соответствиями (correspondances), что все вещи, предметы, явления как в духовной, так и в предметной сферах взаимосвязаны, общаются между собой и указывают друг на друга» [5].

Важно, что для людей прошлого символ был не отвлеченным понятием, а частью сознания. Полновесность символа в народном искусстве и, в частности, в искусстве Русского Севера, прекрасно иллюстрирует мысль А.Ф. Лосева: «Символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности» [10].

Символика, заложенная в модели «Дом-Храм-Корабль», как показала ее апробация в рамках музейной программы, свободно считывается подростками, будит их фантазию, пробуждает интерес к освоению материала по культурному

ландшафту Русского Севера и шире – европейской и мировой культуре, стоящей за данными, универсальными по сути, символами.

6. Осмысление красоты как выражения истинного и сущностного.

Еще одним важным аспектом раннехристианской (и позже древнерусской) эстетики является осмысление мира как произведения Бога, сотворившего его по законам красоты. Красота обретает в этой системе онтологическое звучание. Если мы посмотрим на планы древних городов Европы и России, то мы увидим именно эту логику – красоты как восхождения от низшего уровня бытия к высшему. Понятие красоты непременно вбирает в себя понятие добра в смысле древней «калокагатии» – об этом нам говорит устный фольклор, народное изобразительное искусство, где нет места отрицательным персонажам, где главные герои – «добрый молодец» и «красна девица». «Как мера и красота скажут» - данная формула лежит в основе всех памятников деревянного зодчества, ставших стержнем ландшафтов Русского Севера. Красота, лад, гармония – пронизывают древнерусское искусство и резонируют подчас в более позднем, - в авторских художественных практиках. Именно эту объективную роль красоты как естественной потребности здоровой человеческой души автору кажется важным донести, проиллюстрировать с помощью подлинников народного искусства в рамках музейной программы.

7. Аскетизм.

Важной составляющей древнерусской эстетики, особенно, применительно к Русскому Северу, является эстетика монашествующих, эстетика аскетизма. Ее основные теоретики и практики - монахи Макарий Египетский, Нил Анкирский, Иоанн Лествичник, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов – отдавали предпочтение красоте духовной, возрастающей во внутреннем мире человека [4]. На Русском Севере, часто называемом Святой Русью, монастыри были крупными духовными, экономическими, культурными центрами, оказывавшими колоссальное влияние на весь регион, на всю страну, во многом, сохранившими это влияние и в наши дни. Кроме монастырской традиции, на Русском Севере, в силу сурового климата, особенностей заселения (в том числе влияния старообрядческой культуры), аскетизм, пристальное внимание к «умному деланию», к внутренней жизни (в доме ли, храме, душе отдельного человека) определил, во многом, сам облик поселений (минимум декора, его сосредоточие в интерьере), сам стиль жизни, когда нет времени и сил на мелочи, когда нужно всегда выделять главное.

Как проекция в музейную программу для современных подростков тема аскетизма может быть интерпретирована в терминах внутренней концентрации на цели (учебы, творчества, игры), разумного потребления и связанной с ним экологической ответственности, внимательного отношения к людям, словам, предметам, деталям. В условиях жизни на огромных скоростях разговор с подростками об особенностях «slow life» в условиях северной деревни, как никогда, своевременен, – как для эстетического, так и для общего развития личности каждого участника программы.

Таким образом, выделив некоторые аспекты древнерусской эстетики и их проекцию на ценностные установки прошедшей апробацию программы

эстетического воспитания, мы можем сделать вывод об их актуальности для современной педагогики искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний Сурожский, митрополит. Красота и уродство: Беседы об искусстве и реальности [Текст] / Антоний Сурожский, митрополит. - М.: Nikeя, 2017. – 192 с.
2. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. - [2-е изд., испр.]. - М.: Яз. славян. культуры, 2005. - 217, [1] с.
3. Булатов, В.Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов [Текст] / В.Н. Булатов - М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2006. – 576 с.
4. Бычков, В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aestetica [Текст] : [в 2 т.] / В. Бычков. - Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2010 (Российские Пропилеи : РП / Российская акад. наук, Ин-т философии). Т. 1: Раннее христианство. Византия. - 2007. - 575 с.
5. Бычков, В.В. Эстетика [Текст] / В.В. Бычков. - М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2001. – 452 с.
6. Вагнер, Г.К., Владышевская, Т.Ф. Искусство Древней Руси [Текст] / Г.К. Вагнер, Т.Ф. Владышевская. - М.: Искусство, 1993. – 255 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4. [Текст] / В.И. Даль. - М.: Русский язык, 1978. – Т.1. А – З. 1978. - 699 с.
8. Жегалова, С.К. Русская народная живопись: Кн. Для учащихся ст.классов [Текст] / С.К. Жегалова. - М.: Просвещение, 1984. – 160 с.
9. Лихачёв, Д. Заметки о русском [Текст] / Дмитрий Лихачёв. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. – 480 с.
10. Лосев, А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995.
11. Лотман, Ю.М. Среди мыслящих миров [Текст] / Ю.М. Лотман. - Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.
12. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX - начало XX века) [Текст] / А.Б. Пермиловская. – Архангельск: Правда Севера, 2005. – 312 с.
13. Разина, Т.М. Русское народное творчество [Текст] / Т.М. Разина. - М.: Изобразительное искусство, 1970. – 235 с.
14. Севан, О.Г. Росписи жилых домов Русского Севера [Текст] / О.Г. Севан. - М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 216 с.
15. Теребихин, Н.М. Метафизика Севера [Текст] / Н.М. Теребихин. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 272 с.
16. Трубецкой, Е.Н. Умозрение в красках: Вопрос о смысле жизни в древнерус. религ. живописи: Публ. Лекция [Электронный ресурс] / Кн. Е.Н. Трубецкой. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1916. - 44 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004214226#?page=1> (дата обращения – 15.03.20).
17. Флоренский, П.А. Иконостас [Текст] / П.А. Флоренский. - М.: Искусство, 1995. – 253 с.
18. Флоренский, П.А., свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах [Текст] / Свящ. П.А. Флоренский. - М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. – 905 с.